

DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.066
УДК 94(44)“15” + 929 Генрих(44)*2 +
+ 316.343.3 + 325.111

П. Ю. Уваров

1) *Институт всеобщей истории РАН*
2) *Национальный исследовательский университет*
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

ГОРОД ЧИСТ, БЕЗОПАСЕН И ХОРОШО УПРАВЛЯЕМ **Урбанизм, утопизм и реализм в восприятии Парижа** **времен Генриха II***

Французские короли XVI в. много внимания уделяли украшению городов и особенно Парижа. Больше всего для столицы сделал Генрих II (1546–1559), но от его времени не сохранилось масштабных урбанистических проектов, рисующих образ идеального города. Представления об идеальном городе в эпоху Генриха II можно в определенной мере восполнить за счет анализа сочинения адвоката Парижского парламента Рауля Спифама *«Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata»* (1556). По сути, это был сборник риторических упражнений в области юриспруденции, написанный в форме королевских постановлений, призванных реформировать все дела в королевстве. У этой книги неоднозначная репутация. Одни принимали ее постановления за аутентичные законы короля. Другие считали ее острой сатирой и даже бредом сумасшедшего. Третьи удивлялись дару пророчества Спифама, отмечая, что многие из его фантастических проектов были впоследствии реализованы. Немалая часть постановлений посвящена проблемам города — его безопасности, чистоте, поддержанию благочестия горожан, помощи бедным, сиротам и больным, реорганизации городского пространства. Спифам планировал масштабное строительство нового моста через Сену, застройку пустыющих островов, создание новых портов, рынков и набережных. Значительная часть этих проектов была реализована в будущем. Причина такого «ясновидения» автора крылась в его связях с государственным секретарями, готовившими масштабные преобразования середины XVI в., не реализованные из-за неожиданной гибели короля и начавшихся Религиозных войн.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Франция XVI в.; Париж; Генрих II; Рауль Спифам; урбанизм; муниципальное самоуправление; идеальный город; городское пространство.

Ц и т и р о в а н и е: Уваров П. Ю. Город чист, безопасен и хорошо управляем: урбанизм, утопизм и реализм в восприятии Парижа времен Генриха II. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.066 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 4 (193). С. 39–58.

Поступила в редакцию 10.06.2019

Принята к печати 14.10.2019

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 16-18-10393-П «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования».

Pavel Yu. Uvarov

1) *Institute of World History RAS*

2) *National Research University
“Higher School of Economics”*

Moscow, Russia

**THE CITY IS CLEAN, SAFE, AND WELL-MANAGED
Urbanism, Utopianism, and Realism in the Perception of Paris
in the Time of Henry II**

Sixteenth-century French kings paid much attention to decorating cities and especially Paris. Henry II (1546–1559) did the most for the capital, but large-scale urban projects that reflect the image of an ideal city have not survived since his time. The image of an ideal city in the era of Henry II can be restored to some extent by analysing *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata* (1556), a work of the avocat de Parlement de Paris Raoul Spifame.

It was a collection of rhetorical exercises in the field of jurisprudence written in the form of royal arrêts and designed to reform all matters in the kingdom. This book has a controversial reputation. Some mistakenly believed that these were authentic laws of the king. Others considered it a sharp satire and even delirium of a madman. Still others were astonished at Spifame's clairvoyance, noting that many of his imaginary projects were subsequently implemented. A considerable part of the arrêts is devoted to the problems of the city, i.e. its safety, cleanliness, maintaining the piety of citizens, helping the poor, orphans, and the diseased, reorganising the urban space. Spifame planned a large-scale construction of a new large bridge across the Seine, a consolidation of deserted islands into one and its development, the creation of new ports, markets, and embankments. A significant part of these projects was implemented in the future. This “clairvoyance” of the author was due to his ties with secrétaires d'État preparing for large-scale transformations of the mid-sixteenth century which were never realised due to the unexpected death of the king and the outbreak of the Religious Wars.

Key words: 16th-century France; Paris; Henry II; Raoul Spifame; urbanism; municipal government; ideal city; urban space.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation* (Project 16-18-10393 “Self-Organising Structures of Medieval Towns: Genesis, Classification, and Mechanisms of Functioning”).

Citation: Uvarov, P. Yu. (2019). Gorod chist, bezopasen i horosho upravljaem: urbanizm, utopizm i realizm v vosprijatii Parizha vremen Genriha II [The City Is Clean, Safe, and Well-Managed: Urbanism, Utopianism, and Realism in the Perception of Paris in the Time of Henry II]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 4 (193), 39–58. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.066

Submitted on 10 June, 2019

Accepted on 14 October, 2019

Фреска «Плоды доброго правления» Амброджо Лоренцетти, выполненная в 1337–1339 гг. (см. иллюстрацию), украшала восточную стену Зала Девяти в Палаццо Пубблико города Сиены. В разумно управляемом городе нарядные девушки водят хоровод на площади, горожане развлекаются, в лавках ведется оживленная торговля, достраиваются верхние этажи зданий, работают искусные ремесленники, прилежно учатся школяры, в город доставляются избыточные припасы, за городскими стенами мирно трудятся крестьяне, зреет виноград, пастухи ведут тучные стада. Богатые сиенцы выезжают из ворот на соколиную охоту, а над ними парит аллегория безопасности «*Securitas*» — прекрасная крылатая дева, которая держит в правой руке картуш с поучительной надписью, а в левой — виселицу с маленькой фигуркой бородатого негодяя, казненного в назидание врагам мира и республики. Произведение Лоренцетти воспринимается как типичное изображение средневекового города, и не случайно во многих работах по истории средневекового урбанизма оно используется в качестве иллюстрации.

На самом же деле эта фреска порывает с традицией средневековых изображений города. Даже у Джотто, старшего современника Лоренцетти, город — еще лишь условная декорация, обрамлявшая сцену, где разворачивалось действие. Городское присутствие обозначалось то чередой стен и куполов, то отдельным зданием, главными же были происходившие на этом фоне события, например, сцены из жизни святого. Но автора и заказчиков сиенской фрески город интересовал именно как главное действующее лицо. При этом делалось все возможное для того, чтобы создать впечатление достоверности. Однако в отличие от реальных улиц и площадей Тосканы эпохи Треченто, у Лоренцетти мы не найдем ни клириков, ни монахов, и даже церкви и колокольни лишь с трудом угадываются в глубине городских улиц. Городское пространство резко обрывается

Амброджо Лоренцетти. Плоды доброго правления. Фреска. 1337–1339.
Палаццо Пубблико, Сиена

Ambrogio Lorenzetti. Allegory of Good Government. Fresco. 1337–1339. Palazzo Pubblico, Siena

за стенами, сменяясь сельской идиллией, причем для художника, по-видимому, не существовало промежуточного мира пригородов с их трактирами, постоянными дворами, заставами, кузницами, лабазами. Все это казалось автору излишним, противоречащим его замыслу. Это нисколько не умаляет ценности картины как исторического источника. Идеологическая заданность не мешает тщательно прописывать детали, открывающие нам окошко в мир повседневных радостей и забот сиенцев и их хозяйственной жизни. Если взглядеться, то в ландшафте контадо, выписанном с топографической точностью, можно, например, различить все три модели тосканского виноградарства: *альберата* — древний способ высаживать лозу близ дерева, чтобы оно служило естественной опорой, *альбрелло* — низкие кусты, близко растущие друг от друга, и, наконец, расположенные на холмах участки прямоугольной формы, на которых лоза высаживалась длинными рядами, достаточно далеко отстоящими друг от друга, чтобы в междурядьях можно было сажать овощи или пшеницу.

И таких поразительно точных примет реальности можно найти много. Но не менее ценной для историка является сама идеологическая программа, диктовавшая художественный замысел фрески. О возможных смыслах, вкладывавшихся в картину ее автором, можно долго дискутировать [Feldges-Henning], но бесспорно, что фреска открывала собой период нового восприятия города и городского пространства как единого целого, как самостоятельного действующего лица, в перспективе способного играть главную роль. И к концу XV в. город получит эту роль, что хорошо видно на картинах анонимного художника, выставленных в галерее Урбино, а также в музеях Балтимора и Берлина. Этот идеальный город геометрически правилен, красив и... безлюден.

Восприятие городского пространства продолжало меняться, и следующим этапом этого процесса в первой половине XVI в. стало появление планов города с высоты птичьего полета [Besse]. В Париже самым древним из сохранившихся является так называемый Шпалерный план 1540 г. (*plan de Tapisserie*), но, как полагают, существовал и более ранний вариант, составленный на рубеже 20-х и 30-х гг. XVI в., к которому восходят несколько более поздних планов. Мишель де Серто назвал эти изображения взглядом Бога, сконцентрировавшего внимание на городе как на воплощении своих замыслов [Certeau, p. 139–142]. Действительно, кто еще мог созерцать город с такой высоты за два столетия до начала воздухоплавания? В отличие от идеального города художника из Урбино Париж на планах изобилует жизненными деталями, которые, как и сиенскую фреску, можно рассматривать часами, любясь скоплением лодок и водяных мельниц на Сене, ветряными мельницами на окрестных холмах, разбираться в лабиринте переулков и тупичков большого города. Но при этом, как и у Лоренцетти, перед нами — авторская концепция городского пространства. Так, в Париже на всех планах, кроме одного¹, отсутствуют даже намеки на старую стену

¹ План из «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1550 г., но восходящий, по-видимому, к утраченному самому первому варианту рубежа 1520-х и 1530-х гг.

короля Филиппа II Августа на Правом берегу, хотя ее следы можно обнаружить и сегодня. Эта стена и другие внутренние стены игнорируются авторами, ведь город должен быть единым целым, его пространство — по возможности однородным, разделенным лишь естественными преградами. Зато стены, окружавшие город, неизменно предстают на планах в виде солидных, высоких фортификационных сооружений, хотя современники любили подшучивать над условностью стен, давно обветшавших со времен Столетней войны.

Появление многочисленных планов Парижа совпадает по времени с ростом интереса королевской власти к благоустройству городов (в особенности — своих резиденций); исследователи говорят о возникновении особого направления в политике — королевского урбанизма.

Этот поворот угадывался со второй трети XVI в. и уже вполне определенно заявил о себе в 1548 г., когда в первый же год своего правления Генрих II издал эдикт, которым запретил строить новые здания в парижских предместьях. Это была первая административная мера, направленная против бесконтрольного расширения города, в долгой серии подобных королевских запретов, вплоть до второй половины XVIII в. Очевидно, что эффективность подобных распоряжений была невысока, но показательна сама попытка осмыслить город как целостный объект регулирования [Pronteau, p. 12]. Благоустройству Парижа посвящено немало актов Генриха II: от переноса кладбищ за городскую черту или закрытия лотков, прилавков и лавочек, мешавших городскому движению, до существенного преобразования городского пространства. Историки, однако, редко говорят о королевском урбанизме этого периода как о внутренне согласованной политике, вероятно, потому, что неожиданная гибель сорокалетнего короля помешала ему завершить большинство своих начинаний, а вспыхнувшие Религиозные войны заставили власть надолго отказаться от амбициозных проектов градостроительства.

В какой-то мере недостаток сведений о королевском урбанизме эпохи Генриха II может быть восполнен за счет анализа трактата адвоката Парижского парламента Рауля Спифама. В 1556 г. он от лица короля издал том, включивший в себя свыше 300 постановлений, — «Упражнения христианнейшего короля Генриха в хорошем правлении» (*Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*). Второй том уже был готов, но Парижский парламент велел конфисковать все экземпляры первого тома «Дикэархии...» и уничтожить рукопись и набор второго тома. Причин для такого решения у магистратов Парламента было много², однако при этом автору не выдвинули обвинений ни в покушении на королевские прерогативы, ни в подлоге. Сочинение не было анонимной мистификацией, коль скоро сам термин *Progymnasmata* определял

² Рауль Спифам вступил в конфликт со своими могущественными родственниками и их друзьями в Парижском парламенте. Ему было запрещено появляться в Парламенте и нападать на уважаемых людей в своих пасквилях. Спифам был объявлен невменяемым и помещен под опеку. Публикация книги означала самоуправство адвоката, нарушение им режима опеки [см.: Десимон, Мий, Уваров, с. 276–277].

произведение как жанр риторических упражнений на вымышленную тему. К тому же, во вступлении содержалось посвящение, в котором «Дикэархия...» уподоблялась статуе «христианнейшего короля Генриха, возведенной в Лютеции Парижской с народного одобрения, Раулем Спифамом, галльским поэтом, автором сего сочинения» [Dicaearchiae, fol. 2].

Однако не все из читателей последующих поколений, до которых «Дикэархия...» дошла, несмотря на парламентские запреты, понимали, с чем имеют дело. Некоторые ссылались на постановления 1556 г. как на аутентичные королевские законы [Saint-Marthe, p. 502; Brillon, p. 926; Estivals, p. 108]. Другие же полагали, что речь идет либо об авторе, надевшем шутовскую маску [Catherinot, p. 7–8], либо о помешанном самозванце [Nerval]³. Но многие отдавали должное удивительной прозорливости автора, сумевшего каким-то образом предвидеть то, что позднее было осуществлено французскими королями. Жан Офре, экономист и поклонник физиократов, опубликовал избранные постановления Спифама с характерным названием: «Взгляды политика XVI века на законодательство своего времени, в равной мере подходящие для реформирования оногo в наши дни» (*Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours*) [Auffray]. О даре пророчества Спифама немало писали в XIX — начале XX в. [Fournier, 1859, p. 398, note 4; Nys; Defrance, p. 22; Mathorez]. Так, например, Эжен Дефранс, изучавший историю ночного освещения в Париже, характеризует «Дикэархию...» как «книгу, содержащую смелые проекты реформ, которые почти все были осуществлены в последующие годы» [Defrance, p. 22]. В XX столетии книгу Спифама продолжали считать хотя и немного странной по форме, но свидетельствующей о знании дела и компетентности автора и потому содержащей ряд сбывшихся предсказаний и ценных предложений [Jeanclos; Heller, p. 69–73].

Спифам, являясь, действительно, человеком весьма эксцентричным, был, прежде всего, опытным юристом, впечатленным масштабом реформ Генриха II. Что бы ни писал Жерар де Нерваль, Спифам не был одержим манией величия и не воображал себя монархом, но в своих законодательных упражнениях адвокат подражал духу королевских реформ и пытался их развить дальше. Если эта гипотеза верна, то мы можем попытаться усмотреть некоторые особенности королевского урбанизма, делая поправку на личностные особенности и возможности автора «Дикэархии...».

Основная задача, декларируемая Спифамом во введении к «Дикэархии...», — реформирование правосудия и управления галликанской церковью. Но не менее важным представлялось ему и «благоустройство, увеличение, украшение и состояние наилучшего управления города Парижа»

³ Апогеем этой версии стал рассказ Жерара де Нерваля «Король Бисетра» (1831). Спифам, скромный адвокат, якобы обладал удивительным внешним сходством с Генрихом II. Однажды он, как гоголевский Поприщин, вообразил себя королем и попал в дом умалишенных (Бисетр), где стал писать справедливые указы, кидая их из окна прохожим.

(*l'embellissement, augmentation, décoration et parfait estat politique de la ville de Paris*) [Dicaearchiae, fol. 1v].

В силу синкретического характера многих постановлений они плохо поддаются систематизации, поэтому сложно сказать точно, какова доля распоряжений, посвященных именно городской тематике. Полагаю, что не менее четверти.

Чтобы проиллюстрировать стиль «Дикэархии...», приведу в пример постановление 87: «В дополнение к ордонансам, призванным очистить города и села от всех заражающих их отбросов» (*pour adjouinter aux ordonnances faictes sur la purgation de toutes ordures qui infectint villes et villages*), король издает еще одно распоряжение, относящееся к бесхозным собакам, питающимся падалью. Далее перечисляется весь вред, который проистекает от них в городах, со ссылками на «Естественную историю» Плиния и с указанием на то, что эти происходящие от волков животные являются переносчиками бешенства. Далее излагается перечень мер по очистке городов от собак. Спифам не был утопистом, его проекты, как правило, продуманы до мелочей. Он определяет исполнителей, указывает механизмы финансирования. Хозяева собак должны обратиться в местную «палату полиции» (судебно-надзорный орган, создаваемый другими распоряжениями Спифама), где собака будет зарегистрирована в особом журнале. Такие животные должны иметь ошейник с металлическими кольцами для защиты от волков и для отличия от бродячих собак. Перечислив еще ряд мер, Спифам делает важное уточнение, что сторожевые собаки допускаются лишь в сельской местности, поскольку в городах «безопасность домов и так уже достаточно велика» (*par ce que la seurte des maisons y est assez grande d'ailleurs*) [Dicaearchiae, LXXXVII, fol. 112v–113v].

Если отвлечься от многочисленных колоритных деталей постановления, то в нем можно выявить две главных задачи королевской политики по отношению к городам: во-первых, обеспечить очистку городского пространства от собак; во-вторых, гарантировать городу полную безопасность. Вспомним, что именно аллегория Безопасности красуется над городскими воротами на фреске Лоренцетти.

Забота о безопасности и чистоте всех городов королевства в основном лишь декларируется в «Дикэархии...», но в отношении Парижа Спифам всегда максимально конкретен. Безопасность внутри города, чье население в тот период перешагнуло рубеж в четверть миллиона, должен был обеспечивать королевский суд Парижа — Шатле, названный так по месту его дислокации в старинном предместном укреплении Правого берега. Шатле, номинальным главой которого являлся парижский королевский прево, был громоздкой и не очень эффективной институцией, главной функцией которой считалось рассмотрение гражданских исков (поэтому лейтенант (заместитель) прево по гражданским делам был намного более важной фигурой, чем лейтенант по делам уголовным). Многочисленным судьям, адвокатам, прокурорам и их клеркам было тесно в старом здании. Затевая децентрализацию парижского уголовного судопроизводства, Спифам в краткой преамбуле к соответствующему постановлению приводил аргумент крайней перенаселенности здания Шатле.

Казалось бы, ничем не ограниченная фантазия автора могла бы предусмотреть возведение новых величественных резиденций для судебных палат, тем более что в других постановлениях «Дикэархии...» говорилось о масштабном строительстве в Париже мостов, башен, турнирных залов, о соединении островов Сены. Но во всем, что касается судопроизводства, Спифам был реалистом, его предложения не терпели отлагательств, он рассчитывал только на реальные сиюминутные возможности власти.

Спифам использовал традиционное деление Парижа на три части — Город (Правый берег), остров Сите и Университет (Левый берег). Первый лейтенант должен ведать Правым берегом. Его суд можно будет разместить в Тампле, «как временно заимствованной территории, вплоть до того времени, как ему подберут новое место» (*Lequel lietenant serra au temple comme territoire emprunté iusques a ce que l'on luy ait prouveu d'autre lieu*) [Dicaearchiae, XI, fol. 12v]. Проблема заключалась в том, что на Правом берегу король не располагал собственными судебными помещениями. Приходилось пользоваться старым донжоном тамплиеров, который после упразднения этого ордена был передан иоаннитам, рыцарям Гроба Господня. Иногда Тампль с разрешения ордена использовался как тюрьма или как склад, но можно ли там будет разместить судебное подворье и на каких условиях удастся договориться с монахами-рыцарями, Спифаму было не ясно. Поэтому он предусмотрел альтернативный вариант — разместить персонал суда в Сен-Мартен-де-Шан, старинном бенедиктинском монастыре, некогда загородном (о чем свидетельствует сам топоним — «святого Мартина-в-полях»), но со второй половины XIV в. включенном в городскую черту. У аббата как сеньора сохранялась юрисдикция над близлежащей территорией, для этого у него имелся свой светский суд. В этом помещении Спифам и планировал разместить новый уголовный суд, приведя для этого веский аргумент: район Сен-Мартен-де-Шан — это место, где живет «народ, пользующийся дурной славой и обладающий множеством пороков, каковой нуждается в постоянном присутствии и надзоре со стороны указанного судьи по уголовным делам». Ведь главная цель этого судьи — «очищение указанной стороны города от всех злодеев и злоумышленников» (*purger led. coste de ville de tas malfaiteurs et mal profitans*) [Ibid.].

Второй лейтенант по уголовным делам, по мнению Спифама, должен был заседать в Сите, в Малом Шатле. Это был старый предместный замок, закрывавший проход на Малый мост. Строго говоря, эта небольшая крепость располагалась не на острове Сите, а на Левом берегу. Она принадлежала королю, и некоторые из парижских прево использовали ее как тюрьму для студентов. Район Сите, историческая колыбель Парижа, конечно, не мог сравниться по численности населения с двумя другими частями города. Предполагалось, что в ведении лейтенанта, разместившегося здесь по воле Спифама, будут находиться мосты — на тот момент их в Париже насчитывалось пять, на мостах плотно стояли жилые дома с расположенными на первых этажах лавками. Кроме того, этот лейтенант должен был судить все преступления, которые совершались

на реке в черте города, а их было немало, учитывая интенсивное судоходство по Сене в ту эпоху, а также наличие на реке многочисленных мельниц. Забегая вперед, скажу, что Спифам планировал еще и заселение пустовавших в то время островов. Поэтому работы у нового судьи хватало бы.

Третий лейтенант должен был располагаться на Левом берегу, в Нельском особняке (*hôtel de Nesle*), вместе с другим лейтенантом парижского прево — хранителем университетских привилегий⁴. Принадлежавшее королю здание часто использовалось для размещения временных служб и было предметом споров. Достаточно вспомнить автобиографию Бенвенуто Челлини, которому Франциск I предоставил часть этого помещения под мастерскую. Буйный итальянец сразу же вступил в конфликт со своим соседом — парижским прево.

Но Спифам предусматривал еще одну должность — четвертого по счету лейтенанта по уголовным делам при парижском прево. Его суд планировалось разместить в Большом Шатле, где раньше помещался весь служебный персонал. Но теперь в ведении этого суда следовало оставить лишь рассмотрение апелляций, подаваемых на решения подчиненных (*subalternes*) и некоролевских (*non royales*) судов всего судебного округа — превоства и виконтства Парижского. В городе и на территории бана, простиравшегося на одно лье от городских стен (*ban-lieu*), действовало достаточно много судов местных сеньоров как светских, так и духовных, а также суды прево мелких пригородных бургов. Они-то и должны были находиться в ведении четвертого лейтенанта по уголовным делам.

Всем трем уголовным судам предписывалось действовать строго на тех территориях, которые попадали под их юрисдикцию, категорически запрещалось выходить за пределы отведенных им округов, а четвертый суд, тот, который остался в старом Шатле, не должен был рассматривать апелляции на судебные решения трех других лейтенантов. Все лейтенанты по уголовным делам были равны по своим полномочиям, апелляции на их решения мог рассматривать только Парижский парламент.

Поскольку самая большая опасность исходила из пригородов, их надлежало очистить от «тех, о ком идет дурная слава из-за многих краж, и из-за укрывательства воров и краденого, но кого трудно обнаружить без больших судебных издержек, в результате чего многие преступления остаются без наказания, а потерпевшие — без удовлетворения. <...> [представителям правосудия] грозят многие опасности, когда они сталкиваются с указанными ворами и убийцами, их сообщниками и сторонниками, которые сговариваются о взаимной поддержке против правосудия, чтобы вырваться из рук судебного персонала и взламывать двери тюрем» [Dicaearchiae, X, fol. 13r–13v]. В целом обрисованная Спифамом картина представляется правдоподобной, о чем свидетельствуют, например,

⁴ В предыдущем постановлении Спифам провозглашал создание (точнее, воссоздание) ведомства по охране королевских привилегий, выданных Парижскому университету. Это был своеобразный университетский суд.

«Мемуары» Клода Атона, относящиеся к этому же и к чуть более позднему времени [Mémoires de Claude Haton]. Если из знаменитых тюрем Консьержери или Шатле бежать было трудно, то мелкие тюрьмы, расположенные в окрестностях Парижа, оказывались защищены гораздо слабее.

Для борьбы с пригородной преступностью Спифам предусматривал разместить при каждом воротах Парижа по одному аудитору со своим судом. Столько же, сколько и аудиторов, должно было быть и данных им в помощь комиссаров — надзирателей (*commissaires examineurs*), призванных, вероятно, вести следственные действия.

Спифам тщательно расписал порядок апелляций и отзыва дел в суды высшей инстанции, продумал меры по «кадровому обеспечению» всей системы уголовного правосудия, переведя большую часть судей, адвокатов и прокуроров из Большого Шатле в новые трибуналы.

Внимание Спифама привлекали и самые низшие ячейки правосудия на уровне парижских кварталов. В каждом из кварталов он планировал ввести по две должности аудиторов: один — по гражданским, другой — по уголовным делам, с достаточным числом необходимого персонала, чтобы вершить на местах скорое правосудие, составлять первичные иски, осуществлять вызов в суд. К аудиторам можно было бы обращаться в любой час и днем, и ночью, чтобы наложить арест на людей или на имущество. Каждый аудитор в своем квартале должен был располагать специальным комиссаром — следователем (*commissaire examineur special*). У каждого квартального аудитора и комиссара должны иметься помощники (*adioints*) из числа буржуа данных кварталов, которым надлежало иметь особые письма в виде королевских патентов, заверенные (*verifiés*) парижским прево и зарегистрированные в Парижском Шатле. Они были бы заседателями (ассессорами), исполняли бы роль помощников квартальных аудиторов [Dicaearchiae, LXXV, fol. 103r–104r]. Обратим внимание, что только на этом, самом низовом уровне, к работе органов правосудия у Спифама привлекаются местные жители, представители кварталов. Но эту роль они должны были играть не в силу избрания горожанами, а по воле короля, наделившего их полномочиями.

Спифам опубликовал несколько постановлений, устанавливавших все более плотный королевский контроль над парижским муниципалитетом, — он ввел новые правила выборов купеческого прево и эшевенгов. Как и в случае с парижским правосудием, каждый из этих указов был направлен на решение одной задачи или комплекса однородных задач.

Потомки высоко оценили заботу Спифама об организации ночного освещения, ссылаясь на его постановление номер 127 [Defrance, p. 22]. Однако начинается оно совсем с иных деклараций. Король намерен решительно бороться с осквернителями икон. Эти еретики-святотатцы по-прежнему опасны, несмотря на строгие меры, предпринятые против них. С этой целью король предписал, чтобы каждый хозяин надежно укрепил над входом в свой дом образ особо чтимого святого из числа внесенных в Мартиролог. Выбор изображения святого

надлежало зафиксировать в регистрах местной полицейской палаты (это ведомство уже знакомо нам по постановлению о борьбе с бродячими собаками). Впредь этот образ должен был служить для отличия данного дома от всех остальных (*Et servirra du tilter à ladicte maison pour faire la différence d'une maison à autre*) [Dicaearchiae, CXXVII, fol. 186r]. Отныне этот святой был бы защитником и покровителем всех домочадцев. Домовладельцу же надлежало позаботиться о том, чтобы все, кто проживал в его доме, знали житие святого и свершенные им чудеса и выучили, как надо молиться ему о заступничестве. Эти меры должны были способствовать тому, что христианские святые почитались бы лучше, чем язычники чтили в Риме своих богов в Пантеоне.

Перед образом всегда должна была гореть свеча, подобно тому, как это принято иногда в темное зимнее время, чтобы обезопаситься от воров. Изображение святого, которое украшало бы отныне каждый дом, следовало снабдить подписью, выполненной крупными, ясно читаемыми буквами. Поэтому, по мнению Спифама, станут не нужны многочисленные домовые знаки, висящие на улицах, создававшие опасность для прохожих и настолько мешавшие движению, что, например, в военное время нельзя было проехать по улицам с копьём или пикой в руках [Ibid., fol. 186v].

Так в одном постановлении оказываются связанными воедино разные задачи: усиление заступничества святых покровителей над городами и всем королевством, укрепление благочестия и религиозного образования народа, создание надёжной системы ориентации в городе и усиление контроля над городским пространством, устранение неудобных домовых знаков, порой угрожавших пешеходам и мешавших проезду по улицам, и, наконец, организация ночного освещения. Подобный синкретизм свойственен многим постановлениям Спифама.

Благочестие и безопасность могли переплетаться у Спифама самым неожиданным образом. Наш адвокат выступал против суеверий и нелепых обычаев. В частности, он запретил практику благословения брачного ложа и доставку святой воды на дом по праздникам. Среди приводимых им аргументов — отнюдь не богословские соображения и не предписания канонического права, а прежде всего забота о безопасности. Ведь проникновение в жилище посторонних под благочестивым предлогом чревато преступлениями — кражами, ограблениями, насилием [Dicaearchiae, XLVII, fol. 77v–78r].

Неожиданным образом оказываются связаны между собой борьба за чистоту города, добрые нравы жителей и необходимость обеспечить их безопасность. Спифам стремился вынести за город вредные ремесла, особо оговаривая необходимость удалить мясные бойни и живодерни, чему посвящено постановление 187. Это вызвано желанием «очистить свой город Париж от нечистот и зловонной заразы, ранее бывших причиной морового поветрия». Но открывается постановление преамбулой, в которой вспоминается история мятежа мясников, вспыхнувшего в 1411 г. под предводительством живодера Кабоша. Автор недвусмысленно даёт понять, что вооружённые мясники, коим свойственна необузданная жестокость, представляют собой опасность сродни моровому

поветрию. Мясников надлежало переместить за городские стены, в Шайо или же на западную оконечность луга Пре-о-Клер. Мясницкие лавки оставались бы в Париже, но торговать в них было бы дозволено лишь женам мясников, они имели бы право продавать лишь разделанные куски мяса, а не рубить туши сами. «Мужья не должны давать им свои большие ножи, дабы не склонять их к зверской жестокости, каковая, порожденная привычкой смело обходиться с плотью животных, не должна переносить свирепость, зверство и жестокость на людей» (*bailler l'usage de leurs gros cousteaux aux leursdictes femmes pour ne les induire à ferocité bestialle qui de la hardiesse que l'on prend par coustume sur chaire de bestes ne dispose à user de cruauté, ferocité et bestialité sur les hommes*) [Dicaearchiae, CLXXXVII, fol. 247r–248r]. Угроза социальная неразрывна у Спифама с угрозой физической и бактериальной.

Так же ясно эта идея выражена в постановлении 291, открывающемся требованием переустройства системы сточных канав в Париже (*ruelles de divertissement des égouts*). Этим постановлением Спифам предписывал, «что все узкие проулки и тупики должны быть расширены, открыты и доведены до первой проезжей улицы, чтобы в указанном городе и его пригородах не было места, где могли бы скапливаться нечистоты и заразные отбросы и служить источником морового поветрия, проистекающего от заражения воздуха и иных неведомых болезней, зачастую неизлечимых» (*ad ce quil n'ayt riens en ladicte ville & fauxbourgs ou l'ordure & infection se puisse acuellir pour y croppir dont y viennent pestilences par infection d'aer & aultres maladies incongneues sovent incurables*) [Dicaearchiae, CCXCI, fol. 358v–359v].

И вновь санитарные меры переплетаются с административно-полицейскими. Спифам от имени короля приказывал сделать все проходы свободными для входа и выхода, «дабы они не таили никакой опасности, чреватой стечением толпы или внезапным нападением во время беспорядков, мятежа или бунта. Все городское пространство Парижа и пригородов должно быть проницаемым, чтобы не служить убежищем преступников, особенно в ночное время, когда сержанты и люди, несущие ночную стражу, не осмеливаются продолжать преследование в опасных местах» (*que tous passaiges soient en liberté & eschapee & ne portent dangier d'accullement ou surprise dangereuse en cas de revolte de mutinerie ou sedition & que toute ladicte ville & faulxbourgs soyent perméable pour obvier à la retraicte des larrons signamment de nuict que les sergens & gens du guet n'osent suyvir esdictz lieux*) [Ibid., fol. 259r].

Законодатель на этом не останавливается, а идет дальше. Расширение старых улиц и переулков, разбивка новых должны дополняться застройкой пустующих городских территорий. Освободившиеся участки следовало передавать на условиях ренты тем, кто имел желание возвести там дома и иные здания, в которых в качестве арендаторов (держателей) разместили бы бедных людей, пожелавших воспользоваться такой возможностью. Таким образом, местность стала бы безопасной и процветающей, будучи плотно заселена людьми, всегда готовым прийти друг другу на помощь. Новые улицы были бы засажены садами

и служили бы для украшения города, дома возводили бы только патентованные каменщики, что стало бы гарантией их качества.

До сих пор урбанистическая мысль Спифама шла в том же направлении, по которому двинется через триста лет знаменитый префект Парижа барон Осман⁵, который, как известно, сносил узкие запутанные улочки столицы, столь опасные для правительственных войск во время беспорядков; на месте лабиринта переулков прокладывались широкие проспекты и бульвары. Однако здесь Спифам сделал неожиданный поворот, предписав, чтобы с двух сторон улицы имелись большие оборонительные цепи, «подобно тому, как в старину цепи крепились к углам домов, что устрашает врагов и сулит поражение тем, кто покушается на покой города. И историки, у которых нет причин говорить неправду, пишут, что город становится неприступным для армии в 400 тысяч человек». По мнению Спифама, город не нуждался в укреплениях и рвах, «мужи являются его стенами, а женщины одни на защищенных цепями улицах могут разгромить любую армию» (*n'eust aucuns rempars ne fossez par dehors pource qu'en si grande ville tant peuplee les homes doibvent server de murailles, & les femmes fort animees avecques la force desdictes chesnes tendues seroient seuelles souffisances pour desconfire la plus grosse armee que l'on puisse mettre en campagne*) [Dicaearchiae, CCXCI, fol. 259v]. Непонятно, о каких именно историках говорил Спифам, но ему опять удалось заглянуть в будущее. 12 мая 1588 г., когда в город были введены швейцарские наемники, горожане мгновенно перекрыли улицы Парижа цепями, для надежности скрепив ими поднятые из подвалов большие бочки из-под вина (*barriques*), набитые землей. «День баррикад» еще не раз повторится в истории французской столицы, каждый раз являясь неприятным сюрпризом для властей, пытавшихся запугать парижан войсками.

При всей своей прозорливости, Спифам, как и настоящие короли, до конца не понимал, что грозная сила перегороженных парижских улиц может обернуться против власти. По всей видимости, он считал, что такому крупному городу, настроенному обороняться, не угрожают внешние враги. Действительно, с боями взять Париж, сломив волю жителей, удалось только в 1871 г.

Спифам специальным постановлением 49 строго предписывал всем городам королевства позаботиться о своих укреплениях (под страхом потери всех привилегий), хотя в толстом томе якобы королевских указаний о городских стенах Парижа говорилось на удивление немного. В постановлении 272 Спифам вспоминал о событиях 29 мая 1418 г., когда эшевен Жан де Вилар открыл ворота войскам герцога Бургундского, учинившим резню сторонникам арманьяков. Поэтому отныне, — писал Спифам, — ключи от ворот должны храниться не у эшевенов, а у судей Тайного совета, порядок контроля над проходом в город в ночное время должен быть строго расписан для королевских должностных лиц. Но усиление охраны ворот, передача функций охраны от муниципалитета

⁵ Современник барона Османа, Виктор Фурнель, назовет Рауля Спифама одним из предшественников знаменитого градостроителя [Fournel, p. 306, 310].

к королевским чиновникам были направлены против внутренних врагов — заговорщиков⁶.

Спифам предполагал масштабное строительство в Париже, но, за редким исключением, оно не носило оборонительного характера. Следуя изречению, что лучшими стенами города являются его мужи, он запланировал возведение огражденных ристалищ (*lices*) на средства муниципалитета во всех городах, чтобы обучать военному искусству дворянскую молодежь и устраивать турниры [Dicaearchiae, XL, fol. 68–69]. Но о Париже Спифам всегда писал самым подробным образом. В столице ристалище должно было располагаться на западной стрелке острова Сите, ее предполагалось продлить значительно дальше современных границ — она должна была заходить за линию современного моста Искусств. Через оконечность острова следовало возвести новый мост, который соединял бы Лувр с Нельской башней. Этот мост надо было построить достаточно высоким и крепким, чтобы он не страшился наводнений. По этому мосту король мог бы, не встречая препятствий и не создавая никому затруднений, быстро добираться из Луврского замка во Дворец в Сите или же к Нельской башне и монастырю августинцев. На каменных набережных, протянувшихся вдоль ристалища, должны были быть возведены крытые галереи, чтобы во время состязаний на них размещались зрители. Под галереями — конюшни. Новый мост, ристалище и галереи-трибуны следовало построить так, чтобы не создавать неудобств для портов и речного судоходства.

Таким образом, работы, запланированные Спифамом в постановлении 40, намного превосходили даже беспрецедентное строительство Нового моста, которое начнется при Генрихе III и закончится при Генрихе IV. Но строительство на Сене этим не ограничивалось. В другом постановлении планировалось объединить в ту пору незаселенные острова на востоке от Сите — Нотр-Дам и Короний [Dicaearchiae, CCXCII, fol. 358v–361r]. Иными словами, Спифам предвосхитил создание рукотворного острова Сен-Луи, которое будет осуществлено при Людовике XIII. Этот новый остров, по замыслу Спифама, следовало защитить от наводнений высокими набережными. На нем предполагалось разместить одно из зданий парижского муниципалитета, куда переехали бы некоторые службы из перегруженного задания Ратуши на Гревской площади. Планировалось, что там будет вестись учет пошлин и сборов, взимаемых с поступивших в Париж товаров, храниться финансовая документация муниципалитета. Но, что еще важнее, на новом острове могли бы быть построены порт и рынок, куда с верховьев Сены поступали бы лес, вино, сено, строительные материалы. Это разгрузило бы Гревский и Сенной порты (*etablire une large place marchand a y descendre tous le boys gros et meny, le vin, foin, paille eschalaz et tout bois de menuiserie enant du pays d'amont jsans plus en empescher le port de Grefve ne le port au foin*) [Ibid., fol. 359r].

⁶ Спифам вновь проявил прозорливость, предвосхитив эпизод Варфоломеевской ночи, когда католикам не удалось перебить гугенотских вождей, размещенных в предместье Сен-Жермен-де-Пре, потому что эшевен, хранивший ключи от ворот Сент-Андре, потерял их. Пока искали другие, гугеноты успели бежать.

Для осуществления этих планов, столь востребованных городской жизнью, надо было связать обновленный остров Нотр-Дам с островом Сите. Для этого Спифам предписал возвести одноарочный каменный мост ровно на том месте, где сегодня находится мост Сен-Луи. Высоту пролета следовало сделать такой, чтобы мост не мешал проходу судов.

Спифама трудно назвать утопистом. Во всех своих «королевских» постановлениях он пытался продумать финансовые и материальные аспекты начинаний. Одноарочный мост был необходим для строительных работ на острове, от надежности конструкции моста и сроков его возведения зависело многое — по нему ломовые лошади должны были доставлять строительные плиты для облицовки набережных. Поэтому мост следовало завершить в первую очередь. С целью снижения затрат на все строительство объявлялось нечто вроде «тендера» (*baillez à faire au rabeys*). Доверить работы можно было только самым опытным, известным и искушенным строителям, которым надлежало внести залог и дать обязательства, что строительство будет закончено в трехлетний срок [Dicaearchiae, ССХСII, fol. 360r].

Для работ на островах Сены потребовалось бы много камня. Спифам от имени короля объявил монополию на плиты, которые добывались из каменоломен Парижа и ближайших окрестностей, камень теперь предназначался только для строительства ристалища и набережных [Dicaearchiae, XL, fol. 68v]. На финансирование этих масштабных проектов «король» распорядился выделить четвертую часть всех средств, предназначенных на работы по фортификации города. В случае необходимости недостающие средства, по мысли Спифама, могли бы быть ассигнованы из денег, поступающих с королевского имущества и доходов в течение трех лет, чтобы указанные работы не прерывались бы по причине нехватки денег (*payer le surplus des deniers qu'il y conviendra employer oultre lesdictz trois quarts & s'assigner sur les deniers de son propre bien & revenues ce que ledict ouvrage & le bien de ladicte ville ne demeure en arriere par faulte d'argent*) [Dicaearchiae, ССХСII, fol. 360v].

На восточной оконечности нового острова предполагалось возвести большую башню. Помимо оборонительной функции она могла бы служить складом, в который, согласно распоряжению из книги Спифама, надлежало переместить все запасы оружейного пороха и прочие опасные вещества, чтобы не держать их в самом сердце города (*tous les munitions des pouldres à canon et autres choses perillieuse que l'on ne peut pas tenir en ceur de la ville*) [Ibid., fol. 361]. Спифам опять оказался провидцем. Через семь лет после выхода «Дикэархии...», в 1563 г., в башне Арсенала, так и оставшейся на Правом берегу, произошел страшный взрыв пороха, приведший к сильным разрушениям.

Спифам озаботился и переустройством знаменитого Пре-о-Клер (Луга клириков), расположенного на Левом берегу и служившего яблоком раздора между Университетом и аббатством Сен-Жермен-де-Пре. Время от времени между студентами и людьми аббата вспыхивали конфликты, обычно заканчивавшиеся подтверждением университетских прав на спорную территорию.

Менее чем через год после публикации *opus magnum* Спифама, 12 мая 1557 г., на лугу произошли стычки, сопровождавшиеся жертвами. Генрих II решил образцово наказать университет, закрыть коллегии, казнить зачинщиков и замуровать все калитки, ведущие на Пре-о-Клер. И только делегация профессоров сумела смягчить гнев короля. Возглавлявший делегацию известный гуманист и королевский лектор Пьер де Ла Раме (Петр Рамус) предложил смелый проект преобразования Пре-о-Клер. Он рекомендовал объявить луг королевской территорией, предназначенной для игр, отдыха и упражнений молодых студентов. Свободное от нечистот и отбросов, это место — считал Рамус — стало бы украшением, гордостью города, «философским местом», предназначенным для воспитания чести и доблести, подобно Марсову полю у римлян. Смягчаемый специально построенными фонтанами, воздух был бы здоровым и чистым. Рекреационные зоны предполагалось расширить за счет других земель, принадлежавших аббатствам Левого берега (*place royalle... nette de toutes ordures... pour les jeux et exercices des jeunes étudiants. Car ceste place, qui est l'honneur de la ville... sera la place philosophale consacré à tous exercices de gantillesse & honnesteté... Ce sera comme un champ de Mars, qui fut jadis à Romme: brief, ce nous sera comme un champ Elysceé*) [Ramus, fol. 14].

За год до этих событий Спифам тоже планировал превратить Луг клириков в место обучения молодежи, прежде всего студентов; там молодых людей учили бы благородному искусству фехтования и прочим единоборствам (подробно описывалось устройство системы военного обучения через игры и единоборства лишь для Парижа, но Спифам предписывал открыть такие площадки во всех городах, кроме приморских. Вероятно, в приморских городах планировалось учить молодежь практиковаться в водных баталиях) [Dicaearchiae, CCXLI, fol. 306v–307r]. Для Спифама права университета на этот луг несомненны. Развивая тему, он предлагал учредить особую кафедру королевского лектора при университете, который преподавал бы всем желающим военное искусство (*pour y lire publiquement les livres, concernant des artes militaires*) [Ibid., fol. 307]. Причем занятия могли бы вестись не только на латыни, но и на французском языке, для большей доступности всем желающим. В целом, Спифам посвятил Парижскому университету немало постановлений (среди них регламентация выборов ректора, содержания школ, цветов докторских мантий и даже порядок проведения диспутов в Сорбонне). Он и на сей раз весьма конкретен: место для этой кафедры отводилось в Коллегии трех епископов. И опять — «озарение»! Именно это здание в 1610 г. будет преобразовано в Королевскую коллегию, нынешний Коллеж де Франс.

Можно еще долго перечислять меры по «украшению города Парижа», предлагаемые Спифамом: организация продовольственного снабжения города, создание ссудных касс для бедных, усовершенствование сиротских приютов и госпиталей, организация общественных работ для неимущих, перенос кладбищ и госпиталей для заразных больных за черту города, реформа муниципального управления и многие другие проекты.

Но какова все-таки природа странной прозорливости автора? Сам он иногда указывал на то, что вдохновлялся деяниями римлян, событиями, почерпнутыми из французских хроник, примером итальянских городов. Немаловажен был и его личный опыт потомственного парижанина [Десимон, Мий, Уваров]. Что-то он, возможно, придумал. Но часто формулируемые им идеи просто носились в воздухе, обсуждались под сводами Дворца правосудия в нескончаемых беседах адвокатов и судей. Однако первостепенное значение имели контакты Спифама с чиновниками, которые составляли «штаб реформ», объединенный под эгидой коннетабля Монморанси. Этот «штаб» подготовил многие ордонансы Генриха II. Есть косвенные указания на то, что автор «Дикэархии...» и государственный секретарь Жан Дютье хорошо относились друг к другу⁷. Конечно, в этом кругу обсуждались по большей части вопросы, связанные с реорганизацией правосудия, управлением финансами, взаимоотношениями королевской власти и церкви, но и муниципальные дела были объектом пристального внимания короля и его Тайного совета. Если Спифам общался с этими людьми, то он не мог не знать, что уже в начале 1556 г. Генрих II обсуждал с эшевенами проекты возведения нового моста, который должен был пройти вдоль западной оконечности Сите [Fournier, 1862, p. 75–80]. Он также мог знать и о том, что в 1554–1555 гг. король поручил своему советнику договориться с муниципалитетом о переносе кладбища, на котором хоронили больных, умерших в госпитале Отель-Дьё на остров Макрель, ниже по течению Сены [Registre..., p. 399–400; Уваров, 2004, с. 374–376]. С 1551 по 1558 г. издавались распоряжения об организации ночного освещения в Париже. В 1558 г. завершилось строительство нового, оплаченного из королевских средств и потому именуемого «королевским» рынка на острове Сите. Обсуждались вопросы о переносе боен и живодерен вниз по течению Сены [Babelon, p. 284–308]. Спифам подхватывал эти идеи, продолжал их, дополняя даже те из них, реализация которых была отложена по тем или иным причинам. Точно так же он поступал и в случае с проектами реформ в области судопроизводства и искоренения злоупотреблений в галликанской церкви. В итоге получалась вполне согласованная программа реформ, пусть и несколько странная по способам выражения.

В своем рассказе Жерар де Нерваль утверждает, что роковую роль в судьбе Спифама сыграло зеркало. Однажды взглянув в него, адвокат вдруг увидел, что оттуда на него смотрит король Франции. На самом деле, никакого физического сходства, о котором пишет Ж. де Нерваль быть не могло, король был младше Спифама на 19 лет⁸, но образ зеркала, использованный писателем эпохи роман-

⁷ В постановлении 19 Спифам учреждает новую королевскую печать, по своей значимости превосходящую все прежние и именуемую «диктаторской». Спифам «назначает» Жана Дютье секретарем при хранителе этой печати [Уваров, 2019]. Парламент неизменно становился на сторону противников Спифама, зато оба королевских акта, исходившие от Тайного совета и в целом благоприятные для Спифама, были от имени короля подписаны именно секретарем Дютье.

⁸ Версия, согласно которой Спифам был «двойником» Генриха II, получила распространение в литературе [Lhuillier; Moulin]. Писали об этом и в солидном издании второй половины XX в. [Dictionnaire des lettres français].

тизма, вполне подходит как метафора, описывающая отношение «Дикэархии...» к королевскому законодательству. Постановления Спифама играли роль зеркала, в котором отражалась политика французской «ренессансной монархии» (или, если угодно, «раннего абсолютизма»). Только спифамовское зеркало было немного кривым, как в «комнате смеха», и придавало королевскому законодательству утрированные черты. Однако, смотря в него, мы лучше можем понять логику, которая лишь имплицитно присутствует в многочисленных и многообразных эдиктах и ордонансах Генриха II, и взглянуть на панораму идеального города глазами этого короля и его современников.

Источники

Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours, ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu sous le titre de Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata. Amsterdam ; Paris : Chez Claude-Jacques-Charles Durand, 1775.

Brillon P. F. Dictionnaire des arrests ou jurisprudence universelle des parlemens de France, et autres tribunaux, contenant par ordre alphabétique les matières bénéficiales, civiles et criminelles: les principales maximes du droit ecclésiastique, du droit romain, des coùtumes & des ordonnances. Paris : Chez Charles Osmont, 1727. Т. III.

Catherinot N. Le Prest gratuit. Bourges : [s. e.], 1679.

Dicaearchiae – [*Radelpho Spifama poeta Gallo præconii huius authore*] Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata. [Paris], 1556.

Fournel V. Paris nouvel et Paris future. Paris : J. Lecoffre, 1868.

Mémoires de Claude Haton. Édition integrale / sous la dir. de L. Bourquin. Paris : Éditions du C. T. H. S., Collection de Document inédits sur l'histoire de France, 2001–2007. 4 vols.

Nerval G. de. Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame // Nerval G. de. Oeuvres. Paris : Edité par Garnier, 1958. P. 82–97.

Ramus P. Harangue de Pierre de La Ramée, touchant ce qu'ont fait les deputez de l'Université de Paris envers le Roy, mise de latin en françois. Paris : Chez André Wechel, 1557.

Registre des Délibérations du Bureau de la Ville de Paris publiés par les soins du service de travaux historiques. Т. 4 : 1552–1558 / éd. Fr. Bonnardot. Paris : Imprimerie Nationale, 1887.

Sainte-Marthe A. II de. Discours au Roy sur le rétablissement de la bibliothèque royale de Fontainebleau // Plaidoyez de Messire Nicolas de Corberon chevalier, seigneur de Torvilliers, conseiller du Roy en ses conseils, avocat general au Parlement de Metz, & ensuite maistre des requestes ordinaires de l'Hôtel de Sa Majesté: avec les arrests intervenus sur ces plaidoyez: ensemble les plaidoyez de Abel de Sainte Marthe, avocat au Parlement, et depuis conseiller du Roy en son Conseil d'Etat, & garde de la bibliothèque de Sa Majesté à Fontainebleau. Paris : Ch. de Sercy, G. de Luyne et E. Michallet, 1693.

Исследования

Десимон Р., Мий Э., Уваров П. Ю. Семейные ценности Спифамов (Разрыв и преемственность в парижском линияже в XVI–XVII веках) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 72 (1–2). 2011. С. 274–305.

Уваров П. Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М. : Наука, 2004.

Уваров П. Ю. Три печати французского короля (история неслучившегося) // Золотой век европейской монархии. Политическая культура Средневековья и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Сергиной. СПб. : Евразия, 2019. С. 83–93.

- Babelon J.-P.* Paris au XVIe siècle. Paris : Hachette, 1986.
- Besse J.-M.* Vues de ville et géographie au XVIe siècle: Concepts, démarches cognitives, fonctions // Figures de la ville et construction des savoirs. Architecture, urbanisme, géographie / sous la dir. F. Pousin. Paris : CNRS Editions, 2005. P. 19–30.
- Certeau M. de.* L'invention du quotidien. T. 1 : Arts de faire. Paris : Gallimard, 1990.
- Defrance E.* Histoire de l'éclairage des rues de Paris. Paris : Imprimerie Nationale, 1904.
- Dictionnaire des lettres français / sous la dir. de G. Grente. Paris : Fayard, 1961.
- Estivals R.* Le Dépôt légal sous l'Ancien régime de 1537 à 1791. Paris : Rivière, 1961.
- Feldges-Henning U.* The Pictorial Programme of the Sala della Pace: A New Interpretation // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 35. 1972. P. 145–162.
- Fournier E.* Le vieux-neuf. Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. T. 2. Paris : E. Dentu, libraire-éditeur, 1859.
- Fournier E.* Histoire du Pont Neuf. Paris : E. Dentu, libraire-éditeur, 1862.
- Heller H.* Labour, Science and Technology in France, 1500–1620. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.
- Jeanclus Y.* Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève : Droz, 1977.
- Lhuillier Th.* Un seigneur des Granges, près Melun, au XVIe siècle // Bulletin de la société d'archéologie, sciences, lettres et arts du département de Seine-et-Marne. 1878. Vol. 8. P. 203–209.
- Mathorez J.* Un radical-socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // Revue politique et parlementaire. T. 89. 1914. P. 538–559.
- Moulin H.* Portraits judiciaires: Jacques et Raoul Spifame, 1495–1566. Paris : Charavay frères, 1884.
- Nys E.* Raoul Spifame. Avocat au parlement de Paris // Revue de droit international et de législation comparée. T. 22. 1890. P. 481–519.
- Pronteau J.* Introduction générale au travail des limites de la ville et faubourgs de Paris (1724–1729). Paris : Comité d'histoire de la ville de Paris, 1998.

References

- Babelon, J.-P. (1986). *Paris au XVIe siècle*. Paris: Hachette. (In French)
- Besse, J.-M. (2005) Vues de ville et géographie au XVIe siècle: Concepts, démarches cognitives, fonctions. In F. Pousin (Ed.), *Figures de la ville et construction des savoirs. Architecture, urbanisme, géographie* (pp. 19–30). Paris: CNRS Editions. (In French)
- Certeau, M. de. (1990). *L'invention du quotidien. Vol. 1: Arts de faire*. Paris: Gallimard. (In French)
- Defrance, E. (1904). *Histoire de l'éclairage des rues de Paris*. Paris: Imprimerie Nationale. (In French)
- Descimon, R., Milles, É., & Uvarov, P. Yu. (2011). Semejnye cennosti Spifamov (Razryv i preemstvennost' v parizhskom lin'jazhe v XVI–XVII vekah) [The Spifame Family Values (Breaks and Continuity of Parisian Lineage of 16th – 17th Centuries)]. *Srednie veka. Issledovanija po istorii Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni*, 72(1–2), 274–305. (In Russian)
- Estivals, R. (1961). *Le Dépôt légal sous l'Ancien régime de 1537 à 1791*. Paris: Rivière. (In French)
- Feldges-Henning, U. (1972). The Pictorial Programme of the Sala della Pace: A New Interpretation. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 35, 145–162.
- Fournier, E. (1859). *Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes* (Vol. 2). Paris: E. Dentu, libraire-éditeur. (In French)
- Fournier, E. (1862). *Histoire du Pont Neuf*. Paris: E. Dentu, libraire-éditeur. (In French)
- Grente, G. (Ed.). (1961). *Dictionnaire des lettres français*. Paris. (In French)
- Heller, H. (1998). *Labour, Science and Technology in France, 1500–1620*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jeanclus, Y. (1977). *Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame*. Genève: Droz. (In French)
- Lhuillier, Th. (1878). Un seigneur des Granges, près Melun, au XVIe siècle. *Bulletin de la société d'archéologie, sciences, lettres et arts du département de Seine-et-Marne*, 8, 203–209. (In French)

Mathorez, J. (1914). Un radical-socialiste sous Henri II: Raoul Spifame. *Revue politique et parlementaire*, 89, 538–559. (In French)

Moulin, H. (1884). *Portraits judiciaires: Jacques et Raoul Spifame, 1495–1566*. Paris: Charavay frères. (In French)

Nys, E. (1890). Raoul Spifame. Avocat au parlement de Paris. *Revue de droit international et de législation comparée*, 22, 481–519. (In French)

Pronteau, J. (1998). *Introduction générale au travail des limites de la ville et faubourgs de Paris (1724–1729)*. Paris: Comité d'histoire de la ville de Paris. (In French)

Uvarov, P. Yu. (2004). *Francia XVI veka. Opyty rekonstruktsii po notarial'nyim aktam* [France of the 16th Century. Essays for the Reconstruction on the Basis of Notarial Acts]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Uvarov, P. Yu. (2019). Tri pečati frantsuzskogo korolja (istorija nesluchivshegosja) [Three Seals of the French King (the Story of What Did not Happen)]. In A. Yu. Seregina (Ed.), *Zolotoj vek evropejskoj monarhii. Politicheskaja kul'tura Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni* [The Golden Age of the European Monarchy. Political Culture of the Middle Ages and Early Modern Times] (pp. 83–93). St Petersburg: Eurasia. (In Russian)

Уваров Павел Юрьевич

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а;
профессор Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник
Лаборатории социальных исследований
Центра фундаментальных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105006, Москва, Старая Басманная ул., 21/4,
стр. 3
E-mail: oupav@mail.ru

Uvarov, Pavel Yurievich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Western European Middle Ages and Early Modern Times
Institute of World History RAS
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Professor, School of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Social Research, Centre for Fundamental Research
National Research University
“Higher School of Economics”
21/4, build. 3, Staraya Basmannaya Str., 105006 Moscow, Russia
Email: oupav@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0808-2277
ResearcherID: E-2807-2017
Scopus AuthorID: 56297330900